

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Бутенёв А. П. 1812 год	10
Граббе П. Х. Из памятных записок. 1812 год.	42
Дивов Н. А. Из воспоминаний	94
Муромцев М. М. Воспоминания (1812)	102
Андреев Н. И. Из воспоминаний	137
Ланжерон А. Ф. Из записок графа Ланжерона. 1812 год	170
Мартос А. И. Записки	186
Фаленберг П. И. Из записок	223
Липранди И. П. Из дневника. Как был взят город Соассон	237
Тучков П. А. Мои воспоминания о 1812 годе	253
Перовский В. А. Из записок	282
Евреинов М. М. Память о 1812 годе.	306
Шаховской А. А. Двенадцатый год.	332
Хомутова А. Г. Москва в 1812 году	368
Именной указатель	391

ПРЕДИСЛОВИЕ

Корпус отечественных мемуаров, связанных с событиями 1812 года, в свое время тщательно разобрал известный специалист по источниковедению Андрей Григорьевич Тартаковский. По приведенному им перечню они насчитывают более 700 единиц публикаций. Это настоящие летописи жизни людей наполеоновской эпохи. «Великими воспоминаниями 1812 года» назвал их знаменитый поэт и партизан Денис Васильевич Давыдов. Эти уникальные источники личного происхождения дают возможность увидеть через печатное слово живые и выразительные образы участников и современников эпохи 1812 года. Воспоминания того времени, бесспорно, свидетельствуют о духовном развитии русского общества в XIX столетии (писались на протяжении почти всего века) и отражают факт подъема национального самосознания в тот период. Это ведь не только сами авторы — на страницах своих произведений они представляли целое поколение россиян, людей, ставших в итоге победителями Великой армии и его полководца — французского императора Наполеона Бонапарта.

Мемуары всегда вызывали читательский интерес, но не все они сегодня доступны широкому кругу читателей. Часть из них, исходя из рыночного спроса и в силу литературно-повествовательных достоинств, постоянно переиздается, особенно в последнее время. Это касается самых известных и громких фамилий (А. П. Ермолов, Н. А. Дурова, Д. В. Давыдов, А. Х. Бенкендорф, А. И. Михайловский-Данилевский, Я. И. де Санглен и др.). Значительные по объему публикации воспоминаний еще до революции увидели свет в специальных сборниках мемуаров В. А. Харкевича и К. А. Военского. Но самая значительная часть воспоминаний публиковалась в дореволюционных журналах —

«Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник», «Военный журнал», «Русский вестник» и др. Полные комплекты этих журналов хранятся лишь в центральных библиотеках, поэтому современному читателю и в силу незнания, и по техническим причинам сложно ознакомиться с публикациями этих почти забытых периодических изданий.

Замысел этой книги — познакомить наших соотечественников с лучшей мемуарной литературой эпохи 1812 года, когда-то волновавшей читающую публику и вызывавшей огромный интерес. Исходя из этого и родилась идея данного издания. Поскольку в 2011 году уже вышли «Воспоминания современников эпохи 1812 года на страницах журнала “Русская старина”», то был выбран не менее значимый дореволюционный журнал подобного плана — «Русский архив», где публиковались исторические и литературно-биографические материалы.

Основателем и редактором-издателем «Русского архива» с момента его создания являлся Петр Иванович Бартенев (1829–1912), выдающийся архивист-историк, археограф и библиограф в одном лице, а после его смерти дело продолжил его внук П. С. Бартенев.

Выбранные воспоминания современников событий были созданы людьми самого разного возраста, социального и служебного положения. Да и сами записки очевидцев, разнообразные по манере повествования и идейной направленности, связаны с событиями от начала военных действий до взятия Парижа в 1814 году. Многие брались за перо уже в преклонном возрасте и писали не только с учетом опыта, но и с учетом времени, которое спорные вопросы ставит на свое законное место в истинном виде. «Ретроспективность» воспоминаний придает им характер аналитического произведения, где каждое событие, лицо или эпизод рассматриваются автором с разных сторон и снабжены выводами. Рассказы о произошедшем всегда строились и проходили через призму личностного восприятия авторов, да и сам поток жизненных впечатлений людей прошлого всегда обращался к будущим поколениям, можно сказать, к истории.

В центре внимания мемуаристов обоснованно оказались военно-политические события. Очень важны воспоминания дипломатических чиновников, игравших заметную роль в описываемых событиях (например, А. П. Бутенёва), дававших свою интерпретацию механизма принятия решений. Достаточно полно представлены воспоминания военачальников и офицеров (А. Х. Граббе, В. А. Перовского, И. П. Липранди, Н. А. Дивова, М. М. Муромцева, А. И. Мартоса, Н. И. Андреева, П. А. Тучкова, Ф. И. Фаленберга, А. Ф. Ланжерона), запечатлевших тяготы военных походов, горечь потерь и радость побед, а также зафиксировавших подробности армейских будней и незамысловатый военный быт той эпохи. Есть и воспоминания гражданских лиц, вставших «в минуту бед, в минуту славы» в ряды ополчения (М. М. Евреинова и А. А. Шаховского), а также мемуары известной русской писательницы А. Г. Хомутовой, которая показала не военные, а «внутренние» стороны жизни страны и дворянского общества в Москве, Петербурге и русской провинции в 1812 году. В результате встает галерея живых и выразительных портретов участников и современников эпохи 1812 года.

Мемуарный комплекс наглядно создает представление о географии событий: Литва, Белоруссия, Украина, российские губернии, Молдавия, Польша, Германия, Франция; об основных военных баталиях той эпохи: под Смоленском, Бородино, Тарутино, Малоярославцем, Красном, на Березине, под Кульмом, Лейпцигом, Парижем. В целом диапазон воспоминаний достаточно широк — представлены разные по объему, но многоплановые по жанру мемуары и самые различные точки зрения на войну и события той поры выходцев из разных социальных «срезов» русского общества.

В совокупности сборник почти забытых воспоминаний дает возможность получить наслаждение от интересного исторического чтения.

Все тексты даны по правилам современной орфографии с сохранением особенностей языка той эпохи, важных в историко-лингвистическом отношении. По возможности сохранены вступительные статьи редакции журнала «Рус-

ский архив», а авторские и редакционные подстрочные примечания (с пометкой *Примеч. П. Бартенева*) приведены в конце страницы. Все современные примечания помещены в конец публикации каждого воспоминания.

Безусловно, выход в свет повторных публикаций мемуаров, снабженных научно-справочным аппаратом, станет заметным явлением в богатой историографии Отечественной войны 1812 года.

*Доктор исторических наук
В. М. Безотосный*

А. П. БУТЕНЁВ

1812 год

Об авторе

Аполлинарий Петрович Бутенёв родился в 1787 году в Калужской губернии в семье помещика и получил домашнее образование в доме богатого соседа — Афанасия Николаевича Гончарова, деда будущей жены А. С. Пушкина Натальи Гончаровой. С 1802 года жил в Петербурге в доме не менее известного генерал-фельдмаршала Н. И. Салтыкова (воспитателя великого князя Александра Павловича), к которому имел рекомендательные письма от Гончаровых. Это дало возможность без проблем поступить в 1804 году переводчиком в канцелярию Коллегии иностранных дел, затем — секретарём при товарище министра иностранных дел графе А. Н. Салтыкове. По ходатайству последнего в 1810 году он был определён в канцелярию Министерства иностранных дел, а в 1812 году командирован в дипломатическую канцелярию князя П. И. Багратиона, где находился до Бородинской битвы.

Начиная с 1816 года Бутенёв находился на дипломатической службе за границей в Константинополе в качестве секретаря посольства, управлял походной канцелярией графа К. В. Нессельроде во время Русско-турецкой войны 1828—1829 годов. А с конца 1830 года являлся полномочным представителем России в Порте Оттоманской и в 1833 году именно он подписал Ункяр-Искелесийский договор с турками, закрывший Дарданеллы для прохода иностранных судов и открывший его для российского флота. Это оказалось вершиной достижения русской дипломатии в Восточном вопросе. Позже он был посланником в Риме, затем вновь в Константинополе (восстанавливал отношения после Крымской войны). В 1856 году был назначен членом Государственного совета и получил чин действительного тайного советника, а с 1858 года он уже проживал в России.

Умер в 1866 году в Париже, находясь на лечении (потерял зрение и слух) и был похоронен на Монмартрском кладбище.

Воспоминания А. П. Бутенёва, перевод которых был напечатан в «Русском архиве», ценны тем, что передают восприятие войны гражданским человеком, попавшим в среду атмосферы военно-штабной молодежи. Причем автор, рассказывая о событиях тех лет, идет не по стопам описаний уже известных историков, допускает явные ошибки в воинских чинах, часто путая фамилии, но от этого у исследователя возникает лишь больше доверия к написанному, поскольку именно так это сохранилось в памяти очевидца. Некоторые неточности можно объяснить из-за достаточно вольного или не совсем точного перевода с французского.

Воспоминания А. П. Бутенёва были переведены с французского и опубликованы на страницах «Русского архива» (1881. Вып. 5. С. 5—84; 1883. Вып. 1. С. 5—61). В данном издании публикуется отрывок, относящийся к событиям 1812 года.

В. М. Безотосный

* * *

...В исходе марта, еще санным путем, возвращаясь в Петербург, я беспрестанно встречал по дороге прекрасную императорскую гвардию. В довольно сильную еще стужу, по сугробам, направлялись в Виленскую губернию гвардейские отряды на соединение с главной нашей армией, которая должна была первая противостоять вторжению страшных неприятельских сил, уже собранных Наполеоном в Польше, Пруссии и разных частях Германии, вполне ему подчиненной. Передвижение войск с нашей стороны было только мерой предупредительной, которая предписывалась явной опасностью. Война еще не была объявлена, послы еще не покидали Парижа и Петербурга; велись очень длительные, по-видимому, переговоры для предупреждения неисчислимого в своих последствиях взрыва. Император Александр конечно не желал войны и с полной искренностью заявлял, что возьмется за оружие только для того, чтобы отразить неприятельское нападение. Последствия не замедлили показать, что властелин Франции и покоритель Европы тянул эти напрасные переговоры с единственной целью довершить свои великие приготовления к гигантскому походу, которым он рассчитывал, на верное, сокрушить Россию.

По возвращении моем в Петербург я узнал о ссылке Сперанского. Она всех поразила и всех занимала даже посреди политических и военных забот: до такой степени кроткое доселе и отеческое правление императора Александра отучило нас от деспотических приемов его предшественника. Сперанский подвергся опале и высылке немедленно по выходе из кабинета государя, с которым в тот вечер работал. Причина осталась неразгаданной не только для публики, но и для людей, занимавших самые высшие должности. Если верить рассказам, дошедшим до меня гораздо позже, Сперанский в тот вечер уже мог заметить, что государь обращается с ним не по-прежнему; он вышел из царского кабинета взволнованный и смущенный. Иностранные писатели напрасно утверждают, что причиною опалы Сперанского был отчасти граф Румянцев*. Он узнал о ней в одно время со всеми и даже косвенно был некоторое время встревожен ею, так как на другой день арестовали одного из его подчиненных, значительного чиновника в Министерстве иностранных дел, статского советника Бека, которого заподозрили сообщником Сперанского и через которого тот будто вел тайную переписку с Наполеоном. В городе толковали, что министр полиции Балашов открыл эту переписку.

Эти столичные толки и ни на чем не основанные предположения в тогдашнее время не могли быть продолжительны и скоро уступили место заботам и опасениям более существенным и настоятельным, ввиду несомнительных признаков страшной и близкой войны. Войск в Петербурге почти не было; оставалось лишь несколько запасных батальонов, к которым позднее прибавились новобранцы из ополчения. Многочисленная гвардия ушла к границам Пруссии, Австрии, Польши и даже Турции, где генерал Кутузов уже заставил великого визиря просить перемирия и начал мирные переговоры, как вдруг, ко всеобщему изумлению, на место его послан адмирал Чичагов, бывший морским министром. Это назначение казалось до того необыкновенным и странным, что нового главнокомандующего прозвали

---

* Настоящих поводов опалы Сперанского надо искать в бумагах Любецкого, впоследствии важного деятеля по делам Польским, а в 1812 году приезжавшего в Петербург в звании Слонимского поветового маршала. — *Примеч. П. Бартенева.*

в Петербургском обществе *адмиралом Бонниве*, который некогда злополучно был назначен королем Франциском I командовать итальянской армией. Наш адмирал, впрочем человек умный и деятельный, по несчастью оправдал в 1812 году это насмешливое прозвище, которое ему дали его завистники или люди, недовольные правительством.

В начале апреля сам государь отправился в Вильну, в главную квартиру первой армии, находившейся под начальством военного министра Баркляя де Толли. С государем поехал не только весь его военный штаб, но и главные министры, канцлер граф Румянцев с дипломатической канцелярией, министр полиции Балашов, старый адмирал Шишков, заместивший Сперанского в должности государственного секретаря, граф Аракчеев без особой доверенности, но в качестве близкого человека, и еще много второстепенных лиц, как, например, недавно перешедший к нам из прусской службы генерал *Пфуль*, слывший за отличного тактика, но не оправдавший на деле своей славы, и *маркиз Паулуччи*, итальянец, отличившийся на Кавказе и потом долгое время бывший генерал-губернатором в Риге.

Наступали, очевидно, великие события, в которых политическое искусство должно было иметь существенное применение, и я, разумеется, горел желанием попасть в число людей, которых брал с собой в Вильну мой начальник. Он был ко мне очень благосклонен, я состоял при нем уже два года; в прошлом году я сдал служебный мой экзамен, которому подвергались тогда без различия все гражданские чиновники, и, следовательно, я мог рассчитывать на повышение и отличие. Но канцлер взял с собой только четырех начальников отделений, статских советников Шулепова, Жерве, Юдина и Крейдемана, а из редакторов только тех, которые были старше и опытнее меня по службе. Граф

А. Н. Салтыков, мой всегдашний покровитель, в последний раз тогда принявший за отъездом канцлера управление министерством, пожелал утешить меня в этой неудаче и назначил дипломатическим чиновником к главнокомандующему второй армией князю Багратиону.

Я был отменно польщен и обрадован. После десятилетней канцелярской работы подышать вольным воздухом

полей, перейти на новое деятельное поприще, быть под начальством героя, который считался любимым учеником Суворова, — все это было чрезвычайно заманчиво и приводило меня в восхищение. Грустно было только расставаться с Салтыковыми, к которым я привык и привязался. Они были для меня как самые близкие родные. В особенности граф Дмитрий Николаевич обходился со мною совершенно по-отечески. Он дал мне несколько ободрительных наставлений и советовал не пропускать столь благоприятного случая для развития и усовершенствования способностей в познании людей и предметов посреди предстоявшей мне подвижной и разнообразной жизни, что и было для меня полезно в дальнейшей моей службе. Обязанность надзирать за братьями для меня кончилась: они должны были скоро выйти из кадетского корпуса и поступить в офицеры.

Я запасся вьюками и седлом и сшил себе полувоенную одежду, чтобы в случае надобности следовать верхом за главную квартирою, на что мне были выданы особые путевые деньги, к которым, по счастью, присоединилось несколько сот червонцев, доставшихся на мою долю в виде подарка, розданного чиновникам дипломатической канцелярии по поводу ратификации мирного трактата, не помню с какой-то державой. Этот обычай, некогда существовавший почти во всех странах, теперь вывелся.

Получив официальную инструкцию и рекомендательное письмо от графа А. Н. Салтыкова к моему будущему временному начальнику, я выехал из Петербурга в первых числах июня не без горестного чувства разлуки с моими благодетелями и некоторыми добрыми товарищами по службе, но в то же время исполненный радужных надежд и с горделивым сознанием совершенной самостоятельности. Меня снабдили курьерским паспортом; я ехал в коляске, правда, довольно жалкой, со служителем, плохо одетым и не больше моего опытным; но я воображал себя уже значительным человеком. На другой же день пришлось мне несколько разочароваться. Станционный смотритель объявил мне, что у него нет лошадей и что я должен прождать у него в лачуге несколько часов, пока возвратятся лошади. Напрасно предъявлял я ему курьерский мой паспорт, конверт с депе-

шами во вторую армию и важное мое назначение: требования и угрозы мои на него не подействовали. Я ехал по так называемому Белорусскому тракту, по большой почтовой дороге, которая вела из Петербурга к Минску и в хорошую погоду была отличная. Белоруссия, хотя не особенно живописная, занимала меня новизной встречаемых предметов. Мне понравились Витебск на Двине* и Могилев на Днепре своими холмистыми окрестностями: до тех пор мне случалось проезжать только по необозримым нашим равнинам. Я любовался также великолепными березами, которыми с двух сторон обсажена эта большая дорога.

На пути к Минску по очень песчаной почве проезжал я огромные и прекрасные сосновые рощи с несметным множеством ульев. Тут уже начал я обгонять направлявшиеся к границам войска. Наши молодцы-солдаты бодро и весело шагали по сыпучему песку, в шинелях и с ранцами, ружья на плечах, в предшестве музыкантов и песенников, которые оглашали воздух народными песнями. Я очень живо помню эти встречи, особенно когда проходил Московский гренадерский полк, прославленный своей храбростью в наших воинских летописях. Шефом его был тогда родственник царской фамилии герцог Мекленбургский; он ехал впереди полка.

Я скакал день и ночь и через шесть или семь суток, на пути из Минска по направлению к Гродне, добрался до *Волковиска*, где находилась главная квартира второй армии. Я очутился в жалком городишке, деревянные домики которого населены грязными и с виду бедными, но весьма промышленными и того более назойливыми и корыстолюбивыми жидами, каковы все они в Польше или каковы были в то время. Немедленно по прибытии отправился я с моими бумагами и письмами к главнокомандующему. Воинственное и открытое лицо его носило отпечаток грузинского происхождения и было своеобразно красиво. Он принял меня благосклонно, с воинской искренностью и простотою, тотчас приказал отвести помещение и пригласил раз навсегда обедать у него еже-

---

* На Двине же, в 50 верстах от Витебска, находится прекрасное поместье Бешенковичи, принадлежащее Хребтовичам. Это скорее местечко, нежели поместье. Петр Великий посетил Бешенковичи в один из своих походов; в 1812 там находилась несколько дней главная квартира Наполеона.

дневно. Он помещался в так называемом замке какого-то соседнего польского пана, единственном во всем городе порядочном доме. Тут собиралось все общество главной квартиры, принявшее меня радушно и ласково в среду свою.

В отведенном мне жидовском доме не было постели и никакой мебели, кроме деревянных скамеек и прокоптелых столов.

Во второй армии числилось едва 40 тыс. человек, и она была гораздо малочисленнее первой, но в ней находились лучшие наши генералы и офицеры, считавшие себе за честь служить под начальством такого знаменитого полководца, как князь Багратион. Начальником главного штаба был генерал-адъютант государя граф *Эмануил Сен-При*. Назову главнейших лиц второй армии, насколько помню их почти через полвека. Дежурным генералом был *Марин*, один из первых красавцев гвардии, сочинитель легких стихов. Квартирами, продовольствием, экипажами, верховыми лошадьми свиты главнокомандующего заведовал полковник *Юзефович*, лицо, знакомством которого, следовательно, нельзя было брезгать. Интендантом армии был тайный советник *Дмитрий Сергеевич Ланской* (брат его, Василий Сергеевич, позднее министр внутренних дел, был в то время генерал-интендантом первой армии). В числе многих блестящих адъютантов и ординарцев князя Багратиона припоминаются мне в особенности: князь *Николай Сергеевич Меншиков* (младший брат адмирала), князь *Федор Сергеевич Гагарин*¹, барон *Бервик*², про которого говорили, что он происходил от Стюартов, *Муханов*, *Лев Алексеич Перовский*, позднее граф и министр внутренних дел, *Дмитрий Петрович Бутурлин* (впоследствии директор Императорской Публичной Библиотеки и сочинитель Истории 1812 года), *Михаил Александрович Ермолов*. С троими последними я в особенности сошелся, хотя находился в добрых отношениях и со всей этой молодежью, моими сверстниками, живыми и пылкими, вечно веселыми, привыкшими ко всяким лишениям, не знавшими усталости и прямо из-за обеда, из-за карточного стола за оружие и готовыми лететь в бой.

Вторая армия славилась своими генералами. То был знаменитый *Раевский*, командир первого корпуса, и *Бороздин*,